

НИК ПЕРУМОВ

АСТАРД ВОЗРОЖДЕННЫЙ

КНИГА 4

Гибель Богов 2

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Асгард Возрождённый

«Феникс»

2015

Перумов Н.

Асгард Возрождённый / Н. Перумов — «Феникс»,
2015 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-37416-0

Старый Хрофт и Райна осуществили задуманное – взломали врата царства мёртвых, и Древние Боги возрождены. Однако это нарушает равновесие миров. Дальние подталкивают Одина к войне с Хедином, Хаос подступает к юной чародейке Сильвии, великие духи Орлангур и Демогоргон ведут свою игру. Новому Богу нужно выбрать союзника, и от его решения зависит бытие Вселенной.

ISBN 978-5-222-37416-0

© Перумов Н., 2015

© Феникс, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ник Перумов

Асгард Возрождённый

Пролог

Мера за меру

Верить в неизбежность воздаяния и возмездия – очень хорошо, удобно и полезно. Для всех – сильных мира сего и слабых; вознесённых удачей, судьбой, трудом – и тех, кто так и пребывает в безвестности, нищете, бесславии. Не удалось отомстить на земле – не бойся, грозные боги подземных царств всё припомнят твоему обидчику, на то ведь они и боги.

Но случается так, что казавшиеся вечными боги исчезают бесследно, а вместе с ними и надежда на справедливость.

И вот тогда оказывается, что слабые и робкие, веками находившие утешение, веруя, что за смертной дверью каждому воздастся по делам его, вовсе не так уж слабы и не так робки.

Отними у человека надежду, и он сделается опаснее медведя-шатуна или бешеного волка-одиночки.

Вампир Ан-Авагар вновь стоял на сумрачных равнинах Гнипахеллира. Неупокоенных душ скопилось уже очень, очень много – и они не молчали. Тоскливые заунывные вопли оглашали ночь, белые тени беспорядочно влеклись то в одну сторону, то в другую, без смысла и цели. Серые волны катились сквозь мрак, и даже звёзды, казалось, глядели на них со скорбью и жалостью.

Их никто не прибрал, не призрел; никто не отвёл к месту последнего упокоения. Брошенные на произвол судьбы, они только и могли, что оглашать ночь бессильными жалобами; но ни Спаситель, ни Демогоргон, ни даже местные тёмные божки, буде таковые тут ещё оставались, не торопились предъявить на мёртвых свои права.

И это было странно, очень странно.

Ан-Авагар сердито закусил губу.

Великий Хедин тоном, не терпящим возражений, отправил вампира сюда, в Хьёрвард, собрать неприкаянные души и отвести их в залы Хель, как звалось местное царство мёртвых. Познавший Тьму был совершенно прав – неупокоенные готовы были вот-вот обрушиться на живых, обратившись в ступки ненавидящей всё и вся полуразумной, донельзя голодной силы.

Однако он, Ан-Авагар, конечно, способен будить от долгого сна погосты, выпуская на волю дикие стада неупокоенных, – но направить на путь, повести за собой Чёрным Трактом орды и орды бесприютных духов?..

«Великий Хедин поистине верит в тебя, вампир, – вдруг пришла холодная мысль. – Он считает тебя достаточно сильным. И такое – тоже удел лишь сильных. Слабые завистливы к чужой мощи и способностям. Они никогда не признают за чужаком достоинства или тем более превосходства.

О да, конечно, великий Хедин может *казаться* слабым. Может *притворяться* слабым – но всё это лишь часть его плана, несомненно, глубочайшего, всесторонне продуманного и полного ловушек для тех наивных глупцов, что увидят в его хитрости истинную нерешительность или, тем паче, нехватку силы.

Не-ет, – подумал вампир, – надо держаться Познавшего Тьму. Он, конечно, не шибко любит вампиров – хотя, собственно говоря, кто нас любит? – так что это никак не недостаток, скорее общее место».

Однако все эти ламентации и мелодекламации никак не приближали Ан-Авагара к главной цели, ради которой его и отправил сюда всемогущий владыка Хедин. И как приступить к ней, к этой цели, вампир не имел ни малейшего понятия.

– Вот уж никогда б не подумал, – проворчал он вслух на своём исконном языке, на том наречии, что было родным и для Эйвилль, – никогда б не подумал, что стану *спасать* смертных! И от кого – от своих же, можно сказать, почти сородичей!

Вампиру было страшно. «Ну, да, – признался он себе наконец. – Я боюсь. Гнева Хедина. Морндрагу он, помнится, заехал по физиономии сапогом, клык один сломал – когда тот, безумец, попросил у него пресловутой «крови богов», крови, которой Хедин поделился с умиравшей Эйвилль, спасая её. Бедняга Морндраг тогда чуть не лишился рассудка, околачиваясь слишком близко к шатру Познавшего Тьму, ну и... *нанюхался*, как говаривают гномы.

За что и получил, по заслугам, несомненно. Всякий, кто получает, получает по заслугам», – самодовольно подумал вампир, гордясь собственными рассуждениями.

Но рассуждения рассуждениями, однако они ни на полпальца не приближали его к решению – как собрать елико возможно неупокоенных душ и направить их по Чёрному Тракту. Там, внизу, в царстве Хель, должно быть, ещё оставались те, что примут души усопших и распорядятся обычным манером; но вот как доставить эти души туда?

Тянуть дальше было уже нечего. Ан-Авагар совсем по-человечески вздохнул, беспомощно озирая пустую, залитую мраком равнину. Луна утонула в тучах, света проглядывавших в прорехи облачного покрывала звёзд не хватало. Впрочем, обычного зрения вампиру и не требовалось.

Он невольно вспомнил, как «позвал» старый погост в том далёком и странном мире, где его поймали на крючок «Наблюдающие». Ан-Авагар имел теперь свои соображения насчёт как их природы, так и планов в отношении себя, но старался об этом даже не думать. Бесплезно – всё, что в его силах, он уже сделал.

Да, заклятие у него тогда получилось просто на загляденье. Хотя Клара Хюммель, конечно, его б не одобрила. Совсем бы не одобрила. Ан-Авагар вздохнул – перед глазами вновь появилась неукротимая волшебница, одетая по-мужски, в куртку, полусвободные порты, высокие сапоги, с девичьи-толстой косой, переброшенной на грудь, несмотря на замужество и детей.

«Эх, Клара-Клара, почему же о тебе думается всё чаще и чаще? Не о радостях охоты, преследования, не о лакомом предсмертном ужасе дичи, обречённой быть выпитой насухо, даже не о радостях плоти – с той же добычей, перед тем как выпить, – а о строгих глазах странной чародейки, её взгляде, гневном, взыскующем, и в то же время...»

Что в нём виделось? Женский интерес к нему, Ан-Авагару, разбившему немало сердец и при жизни, и после смерти? В конце концов, он куда как недурён собой и...

«Не ври себе», – сказал кто-то холодно и насмешливо. Вампир аж подпрыгнул от неожиданности – но нет, никого, никакие не Наблюдающие; это он сам, только он сам.

«Конечно, не шибко-то привычно говорить правду, даже себе самому? Ты для неё никто, так, временный союзник, когда понадобилось спасти её драгоценных односельчан. Она благородна и не выказала своего отвращения к тебе, вот и всё. А так... не обманывай себя, вампир. Для Клары Хюммель ты нежить и нечисть, враг рода человеческого, случайно оказавшийся ей полезен. На короткое время. И даже сейчас, после того, как вы с ней бились бок о бок, она не колеблясь вгонит тебе в шею свою наговорную шпагу с магическими рубинами, едва завидев тебя пьющим кровь какой-нибудь тупой пейзажки, вся ценность каковой, собственно, в том и заключена – служить пищей таким, как ты, Ан-Авагар, то есть сильным».

Кто-то из этих сильных будет отбирать у неграмотной дочки пахаря её хлеб, её курицу или корову. Кто-то выманит последний грошик, обманув дешёвым поддельным колечком. Кто-то заставит, ссылаясь на «право первой ночи», разделить с собой ложе. Кто-то просто отхлещет вожжами или кнутом, потому что ему или ей так захочется.

Чем они лучше его, Ан-Авагара? В конце концов, если он не выпьет жертву досуха, она останется жива; будет болеть, да, но поправится – если, конечно, он не станет устраивать ей регулярные кровопускания, за которыми придут слабость, постоянная усталость и, наконец, сон, переходящий в смерть.

Так чем же он хуже? Мир несправедлив и жесток, каждый бьётся за собственное место в нём, убивает, чтобы не быть убитым. Чародейка Клара не может этого не понимать. Никак не может!

Прежний Ан-Авагар тут бы и остановился в своих рассуждениях. Новый, родившийся в дикой схватке с им же вызванными неупокоенными на улочках Поколя, когда Клара Хюммель сражалась с ним плечом к плечу, пошёл, однако, дальше.

Все, кто обманывает, отнимает, избивает или даже насилует, не поднимали мёртвых из могил, натравливая их на живых.

– У меня имелись серьёзные основания! – пискнул Ан-Авагар и сам же оборвал себя.

«У тебя были основания, да. Истинный вампир просто сказал бы «это нужно мне, это хорошо для меня, а все остальные меня волнуют лишь в той степени, насколько это для меня же и важно». У Ан-Авагара так думать больше не получалось.

Он напустил мёртвых на живых, и этим всё сказано.

Конечно, другие «сильные», отнимавшие, грабившие, вынуждавшие работать на себя, убивали тоже. Кто быстро – подавляя бунт или просто для удовольствия; кто медленно – непосильным трудом, голодовками, холодом, но исход выходил один. Они убивали, так же как и он. Так почему же сейчас он наговаривает на себя? Чем другие способы убийства лучше тех, что довелось использовать ему? Итог от этого не менялся.

Нет, конечно, можно сказать, что умереть от голода куда легче, чем быть разорванным на куски жадными до плоти и крови мертвяками; но...

Нет. Никаких «но». «Прекрати юлить и оправдываться, Ан-Авагар. В конце концов, это недостойно твоей истинной расы, расы победителей и повелителей».

Вампир сердито сжал кулаки. Ночь катилась быстро, а в голову ему так и не пришло ни одной дельной мысли. Да тут ещё и Клара – совсем некстати. Думай, Ан-Авагар, много думай, думай прямо сейчас! Может, он и сможет увлечь за собой малую толику бесприютных душ, но требовалось-то много, много больше!

Что у него есть? Есть его пресловутый «зов», которым он подъял древнее кладбище возле Поколя, выпуская неупокоенных на волю, но не подчиняя их себе целиком и полностью. Потом, когда уже начался бой в самом селении, когда призрак девушки по имени Иссор попросил Ан-Авагара помочь против его же собственных миньонов, вампиру удалось повести за собой часть оживших мертвецов, однако далеко не всех и даже не большинство; да и подчинялись они ему весьма неохотно. И это те самые зомби или скелеты, что должны были слушаться его беспрекословно, ибо именно он подъял их из могил!

– Этак стоячи дела не сделаешь, – сердито проворчал вампир, отгоняя образ Клары.

Он попытался «позвать». Благо вампирьего рода, особенно его лучших и сильнейших представителей (к коим не без самодовольства относил себя Ан-Авагар), что для этого им не требовались никакие некромагические ритуалы. Чародеям-людям приходилось вычерчивать сложные магические фигуры, ждать удачного сочетания звёзд, тратить редкие, порой даже редчайшие ингредиенты, составлять – и зачитывать вслух – длиннейшие вокабулы, инкантиции, где малейший сбой в произношении или интонации означал крах всего ритуала и зачастую бесплатный обед в виде самого незадачливого чародея, что попадал на зубок голодным мертвякам.

Бессмысленно кружившие вокруг вампира бледные тени дрогнули, медленно потянулись к нему, протягивая бестелесные руки, сейчас казавшиеся пустыми рукавами просторных одеяний. Угрозы для уже мёртвого вампира они являть не могли, и всё-таки Ан-Авагар поёжился.

Из глубин памяти поднималось, казалось бы, напрочь забытое – страх перед нежитью и отвращение к ней, что испытывал некогда молодой и лихой охотник лесного клана Перворождённых по имени Аннээнэль Авагарро.

Имя Ан-Авагар ему дала Эйвилль.

– Цып-цып-цып... – неожиданно для самого себя прошептал вампир.

Он звал. Человеческое ухо не различило бы ни слов, ни звуков, самому Ан-Авагару казалось, что он тянет длинную руладу низких, басовых нот. Когда-то давно, в дни обучения, Эйвилль говорила, что это якобы один из древнейших языков Упорядоченного, родившийся чуть ли не с первыми живыми существами, наделёнными речью. Праязык этот и поныне имеет власть над плотью, даже мёртвой, даже если это – неведущая «плоть» души.

Так или иначе, клич Ан-Авагара действовал. Полдюжины, десяток, два, три – души устремлялись к нему, и сперва вампир даже подумал, что он, похоже, зря боялся – пригодилось и сработало самое простое из его некромагического арсенала.

Число душ росло, и с ним, однако, начинало расти и новое, неведомое Ан-Авагару ощущение – родившееся в груди, там, где сердце, оно медленно расползлось по плечам и рукам, опускалось к бёдрам – колючий и морозный холод, обжигающий давно мёртвую плоть вампира подобно пламени.

Что это? Откуда? И почему так давит на плечи, словно на Ан-Авагара одну за другой навьючивали глыбы, выпиленные из цельного льда? Вампир попытался перекинуться и взлететь, резко оборвав заклинание – получилось, тяжесть исчезла, души закружились на месте, словно в растерянности.

«Так не пойдёт», – мысленно скривился Ан-Авагар, опускаясь обратно наземь. Простые заклиния не работали, и, что называется, с налёта подчинить себе всё это множество бесприютных душ у него не получалось. «Наверное, – пришла досадная мысль, – тут и впрямь надо быть богом. Хоть немного, но богом».

Души вновь кружились вокруг него, но теперь ему казалось: он слышит их немой крик. Множество голосов тянуло одно-единственное слово, хоть и на разных языках Большого Хьёрварда:

– Кровь.

Так, наверное, зудят комары.

Вампир вздохнул и принялся чертить магическую фигуру. В конце концов, всякий из его племени заткнёт за пояс любого некроманта-человека.

Мёртвые на Гнипахеллире ждали.

Глава I

Исход Древних Богов

– Пришло твоё время, племянник, – сказал великий Один, Отец Богов и Дружин, Ас Воронов, владыка Асгарда, носитель Гунгнира и прочая, и прочая, и прочая.

Глубоко за самыми потаёнными мирами Упорядоченного, возле врат запретного для живых домена Духа Соборной Души, Демогоргона, – вскипала невиданная битва.

Уже сражался, собрав на себя полчища неупокоенных духов, Водитель Мёртвых Яргохор, он же бывший Молодой Бог Ястир из забытых времён, из эпохи ещё до Первого Дня Гнева; а сейчас к бою готовился и чудовищный волк Фенрир, сын бога Локи и великанши Ангрбоды, брат мирового змея Йормунганда и Хель, владычицы царства мёртвых Хьёрварда.

Волку достался более привычный враг – орда самых причудливых чудовищ катилась навстречу великому зверю, чей хребет поднимался выше многих гор.

Она катилась от той черты, что разделяла владения Демогоргона и области Сущего, в которых смертная плоть ещё может существовать. Там не могло обитать никаких монстров – но в Упорядоченном нашлись силы, что сумели открыть им туда дорогу. Через портал, как-то ещё – Старый Хрофт не знал.

Да сейчас это уже и не имело значения. Дочь Одина, валькирия Райна, зажмурившись, стояла рядом, покачиваясь, словно шаман в трансе, – она сейчас вела главную битву, уйдя глубоко в области, куда не было хода даже самому Старому Хрофту. Какие враги встали у неё на пути, какие преграды – кто скажет? Но Отец Дружин знал: его дочь наступает, она не повернула назад и не сдалась. Кто знает, что ей пришлось бросить на весы боя там, в областях, где могут оказаться бессильными даже мечи, помнящие силу старого Асгарда? Что пришлось поставить на кон?

Нет, он не будет думать об этом сейчас. У каждого – свой собственный бой, его и вести. Валькирия выдержит, ведь на то она и валькирия.

Фенрир тем временем вскинул мохнатую голову, разинул пасть, зарычал и сорвался с места. Один прыжок его покрывал целые поприща – но там, в привычном Старому Хрофту Упорядоченном; здесь же, казалось, исполинский волк остаётся на месте, только почему-то уменьшаясь.

А потом волна чудовищ докатилась наконец до сына Локи, и волчьи челюсти лязгнули, морда Фенрира мгновенно окрасилась тёмной кровью. Его клыки, казалось, не ведают преград, дробя с равной лёгкостью и плоть, и кость, и рог, и чешую, и даже железо.

Воронка мёртвых меж тем вновь сомкнулась над Яргохором, медленно, шаг за шагом тесня его ближе и ближе к тому месту, где застыли Один и Райна.

Пальцы Отца Богов пробежались вдоль эфеса. Альвийскому мечу предстояло много работы.

* * *

Золотой луч тянулся из-под ног Райны, убегая вдаль, к неоглядно раскинувшимся ветвям Великого Древа. Там, на суку шириной, наверное, в несколько лиг, раскинулся Асгард – такой, каким его запомнила Рандгрид, отправляясь на Боргильдово Поле. Высоко взнесены золотые щиты на крыше Валгаллы, солнце радостно играет на вечноначищенном, никогда не тускнеющем металле, и от врат заветного города асов прямо навстречу валькирии движется процессия – знакомые с детства фигуры. Несмотря на расстояние, Райна узнаёт их тотчас: Тор, Хеймдалль, Браги, Ньорд, Фрейя, Идун и другие; вот выступает плечистая, широкобёдрая и

тяжелогрудая Йорд, богиня земли, мать Тора; вот Сиф с её роскошными золотыми волосами; а вот и гордая Фригг, так долго презрительно шутившаяся на валькирий, не в силах до конца смириться с вечными изменами Отца Богов.

Все они оставляют своё бестелесное пристанище, бывшее их тюрьмой нескончаемые зоны, и идут, идут прочь от него, из мира призраков – в мир живых.

Да и то сказать – кто способен окончательно и безвозвратно погасить искры божественного дыхания самого Творца, из которых и родились древние боги, подобные Одину?

Так, во всяком случае, кажется в тот миг Райне.

Себя она ощущает всемогущей. Кто, кто ещё способен сокрушить врата самой смерти, вырвав из её когтей давно павшую родню?

Альвийский меч в руке Райны сейчас словно живёт собственной жизнью. Он чутко улавливает потоки свежей, новосотворённой силы, что изливается от пределов Демогоргона, вбирает её в себя; валькирия разом и чертит ведомые ей руны, и слагает висы, подобные тем, что помогали ей забирать в Валгаллу павших героев, не отдавая их души притяжению Чёрного Тракта.

Райна нынешняя, странствующая воительница, не бывшая валькирия Рандгрид, не отдала бы пасти Хель вообще никого: ни мужа, ни жены, ни детей, ни даже неродившихся младенчиков, умерших в утробах матерей. Воительница Райна явилась бы на совет богов, вогнала бы свой меч в столешницу, она бросила бы вызов всем и каждому, даже собственному отцу – потому что никто не может быть обречён вечности мук.

А в прежнем мире, которому со всей страстью служила валькирия Рандгрид, всё было именно так. За нескончаемыми веками и тысячелетиями в Хель должен был последовать Рагнарёк и последняя, всеобщая гибель.

Обитателям царства Хель, наверное, тот день показался бы великим, долгожданным избавлением от нескончаемых мучений.

Водитель Мёртвых Яргохор щедро делился с Райной силой, исторгаемой его неотразимым клинком; её то и дело приходилось пускать в ход, когда – чувствовала валькирия – перед возвращающимися асами появлялась какая-то преграда. Сперва её, эту преграду, альвийский меч рубил если не с лёгкостью, то и без особого труда; но раз за разом стены эти становились всё прочнее и толще, меч увязал в них; а потом валькирия вдруг поняла, что стоит на узкой золотой дорожке, едва ли в локоть шириной. Перед ней справа и слева поднимались точёные винтовые колонны, врата без створок, покрытые тонкой резьбой, – вереницы коленопреклонённых существ и людей, и похожих на них, и совсем непохожих, ползли куда-то вверх, словно поклоняясь кому-то, но кому – Райна разглядеть не могла.

Справа и слева от врат она увидела пару важных, надменного вида бородатых стражей, не в боевом облачении, не в доспехах, а в длинных, ушитых золотом и жемчугами жреческих одеяниях, покрытых какими-то символами, больше смахивающими на те, что использовали в своих ритуалах люди-некроманты – чьих немало голов было срублено мечом самой воительницы Райны.

В руках эта пара держала вычурные посохи, обвитые золотыми змеями и увенчанные хрустальными бубенцами, невесть зачем туда водружёнными. В общем, эти двое походили скорее на почётную охрану сераля, но никак не на стражу самых тайных пределов Упорядоченного.

Бороды их, чёрные, слегка выющиеся, были тщательно расчёсаны, напомажены и умащены благовониями. Свободно спадающие туники не могли скрыть внушительных животиков.

Альвийский клинок затрепетал в руке Райны, словно требуя крови.

Но пара бородачей совсем не показалась валькирии враждебной или хотя бы грозной. Глядели они на неё строго, но и только.

А ещё она не чувствовала в них ни грана страха или неуверенности. Несмотря на её выдавшую виды броню и альвийский меч в руках, где древняя сила Асгарда сплавлялась и с

новой, порождаемой сражавшимся Водителем Мёртвых, и с той, что изливалась сама по себе из пределов Демогоргона.

– Остановись, – пробасил один из стражей, тот, что стоял справа.

– Никто не пройдёт дальше, не доказав, что достоин, – добавил тот, что слева.

Обычное дело, подумала валькирия.

– Спрашивайте, – бестрепетно сказала она.

– Опусть меч, храбрая, – без зла, но с некоторым напором сказал правый страж.

Райна повиновалась – однако альвийский меч подчиняться отказывался. Рука валькирии напряглась, вены вздулись, клинок медленно и нехотя устоялся вниз, хотя остриё его упрямо подрагивало, точно норовя уколоть, несмотря ни на что.

– Что есть нисходящее с престола? – спросил правый страж.

– И что видит оно, сделав первый шаг? – тотчас подхватил левый.

«Загадки. Ненавижу загадки», – подумала валькирия. В её странствиях воительницей ей встречались пару раз пренеприятные создания, обожавшие тем не менее эту древнюю игру.

Правда, когда они пытались сыграть с валькирией, заканчивалось всё это одинаково – снесённой с плеч башкой чудища.

– Для чего всё это? – ответила вопросом на вопрос воительница. – У меня нет времени на ваши глупости. Я спасаю своих. Вывожу из царства мёртвых. Отойдите, вы, оба!

Бородачи переглянулись, однако в их глазах по-прежнему не появилось страха или хотя бы озабоченности, лишь лёгкое сожаление.

– Ты не готова, – хором объявили они, торжественно приподнимая разукрашенные посохи. – Мы не пропустим тебя.

– Тогда я пройду сама. – Меч взмыл для атаки.

– Недостойная, опомнись! – опять же хором воззвали бородастые стражи.

– Прочь с дороги! – рявкнула Райна, размахиваясь клинком.

Лезвие со звоном врезалось в левую колонну, вдруг оказавшуюся прямо перед валькирией. Резной камень взорвался облаком радужных осколков, ворота обрушились, и всё исчезло.

Потрясённая, воительница вновь увидала перед собой тянущуюся вдаль золотую дорогу и приближающиеся по ней тени асов – увы, всего лишь тени. Вырвавшиеся из царства мёртвых древние боги не имели плоти, и взять её им было неоткуда.

Там, далеко-далеко, на ветви Великого Древа, стены и крыши казавшегося игрушечным Асгарда медленно обваливались, тонули в поднявшихся волнах золотистого пламени. Обратной дороги для теней асов не оставалось.

Валькирия не успела подивиться, насколько легко ей достался этот прорыв через первые ворота, – а перед ней уже появились следующие.

И вновь – узкая золотая дорожка, четыре резных столпа и четверо стражей. Одежда – роскошнее, бороды – длиннее, и в них вплетены бусины из драгоценных камней, а сами посохи наполовину сделаны из сияющих рубинов. На ниспадающих одеяниях столько золота, что они могли бы служить панцирями.

Было что-то неправильное в этих благовониях и драгоценностях, холёных бородах и дородных телесах, явно не знававших воинских тягот.

Ворота, колонны, резьба, стража, совершенно не похожая на стражу...

На сей раз Райна заговорила первой:

– Я не знаю никаких ответов и знать не хочу! Мне просто надо пройти! Я спасаю своих!

– Неразумная, – с печалью ответил ближайший страж, слегка пристукнув посохом; золотая дорожка зазвенела, словно и впрямь из металла. Больше всего он походил сейчас на учителя, огорчённого внезапной и глупой ошибкой лучшего из подопечных. – Заёмная сила твоего меча не доведёт тебя до конца дороги. Только твоя собственная.

– А её-то ты сейчас и отвергаешь, – подхватил другой страж.

– Сила – это глупые загадки? – крикнула Райна, замахиваясь.

Бородачи подались в стороны. Как и первая пара, они спокойно расхаживали над бездной, однако не похоже было, чтобы кто-то куда-то собирался проваливаться.

Альвийский клинок ударил в извив резной колонны, прошёл до половины и застрял. Стража, однако, не воспользовалась этим, не попыталась атаковать валькирию, дала ей время, чтобы, застонав от напряжения, выдернуть меч, словно из древесного ствола.

– Сила – это знание, – ответил третий страж.

– Придумай... что-нибудь... поновее! – Райна рубанула вновь, и на сей раз альвийский меч, взыв от ярости, сшибся с подставленным посохом. По рубиновой поверхности пробежала огненная волна, но разукрашенный, нелепый и совершенно непригодный для боя посох бородача без труда отбросил альвийский клинок.

– Остановись, неразумная!

– Никогда! – взывала Райна. Шаг, удар круглым щитом, клинок выброшен на всю длину руки, остриё должно пробить лоб бородатому стражу – но оружие валькирии отшиблено в сторону неведь откуда взявшимся посохом другого хранителя.

Воительница была не из тех, кого испугало бы или ввело в растерянность внезапно открывшееся умение противника. Прикрывшись щитом и слегка сгорбившись, она вновь шла в атаку, не смотря под ноги и доверяя лишь опыту великого множества сражений. Она способна была если не танцевать на проволоке, то, во всяком случае, перейти по ней над пропастью.

Стражи встретили её дружно, прикрывая друг друга, но не пытаясь напасть сами.

– Меч – не главное оружие твоё, неразумная, – услышала она уже после того, как её клинок вновь оказался отбит.

Райна лишь сжала зубы.

Валькирии не отступают и не сдаются.

* * *

Фенрир рвал и размётывал накатившую на него волну чудовищ. За сына Локи можно было не беспокоиться, а вот Яргохор шаг за шагом отступал, сдавливаемый серой воронкой. Она теперь раскинулась, насколько мог окинуть глаз, из пелены порой выныривало или серое лезвие Водителя Мёртвых, или его островерхий шлем, сейчас лишившийся самого навершия и пробитый в нескольких местах.

«Торопись, дочь, – сжав зубы, подумал Старый Хрофт. – Торопись, Ястир долго не продержится... да и Фенрир, кстати, тоже!»

Там, где только что волк успешно расправлялся с легионами бросавшихся на него чудовищ, судя по всему, нимало не боявшихся жуткой кончины от его зубов, появилась новая волна.

Шли медленные, но зато прикрытые бронёй до самых глаз исполины, шестиногие ящеры, вся шкура которых состояла, казалось, из одних костяных рогов. Длинные хвосты увенчивались внушительными шипастыми шарами, клыки запросто поспорили бы с фенрировыми. Ростом каждый из приближавшихся исполинов заметно превосходил сына Локи.

«Торопись, моя Рандгрид. Торопись. Кто-то бросает на нас поистине несказанную мощь, чтобы только вынудить тебя, моя дочь, повернуть назад».

Толчок силы заставил Отца Богов вздрогнуть, альвийский меч взмыл, готовый и защищаться, и атаковать.

– Это всего лишь я, великий бог Один.

Гульвейг, в чёрно-золотой броне, несколько походившей на ту, в которой она командовала полками Ракота, небрежно улыбнулась. Мать Ведьм явилась без оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.